

Прошло три месяца, пока я пыталась привыкнуть к своему решению сделать свой брак полноценным. Когда все дворяне вернулись в свои поместья, на политическом фронте все было спокойно.

Сначала Мариэла проводила дни как обычно, но как только у нее начал появляться живот, Франц настоял, чтобы она оставалась в уединении. Безумие, что никто до сих пор не догадался об этом, но я готов был поспорить, что Зигмунд начал что-то подозревать после того, как она не показывалась на обедах больше недели.

Когда я решила не играть в сваху для своего мужа с Марси, не было смысла организовывать встречи между ними. Наши походы на кухню за едой стали немного реже, но я не могла полностью прекратить их без причины. И Эл, и Марси были бы в замешательстве, а кроме того, это был способ убить время.

Надо отдать ей должное, она была феноменальной актрисой. Если бы наш разговор в кладовке так и не состоялся, я бы все равно поверил в ее искреннее желание стать нашим другом. А так я не мог понять, что было настоящим, а что фальшивым.

Действительно ли мы ей нравимся или она проявила свою дружескую сторону только потому, что мы работали над общей целью? Я был рад, что Эл не попался на ее уловки в этот раз.

Тем не менее... отношения с Элом было трудно описать. Наша привычка быть занятыми почти не изменилась. Мы гуляли в снегу, играли в карты, читали книги и катались на лошадях в нашей обычной войне со скукой.

Однако было совершенно очевидно, что он ухаживает за мной, потому что он регулярно дарил мне подарки, комплименты и физическую ласку.

Несколько лет назад, когда мне нечем было заняться, я прошла онлайн-тест на знание языков любви и обнаружила, что мой основной язык любви - это язык служения. После нескольких недель "свиданий" с Алом стало очевидно, что его язык - это физические прикосновения.

Если мы читали, он сидел рядом, положив руку мне на плечи. Когда мы ездили кататься верхом, он настаивал на том, чтобы помочь мне лично сесть на Рапунцель и слезть с нее, вместо того чтобы позволить конюхам сделать это. Он часто играл с моими волосами или случайно касался моей руки, когда мы сидели и разговаривали.

Я не могла не задаться вопросом, не изголодался ли он по прикосновениям за все годы одиночества. Иногда, когда я видела его блаженное выражение лица просто от того, что я растрепала его волосы, чтобы подразнить его, мне хотелось пойти и ударить всех членов его семьи по лицу за то, что они не проявляли к нему любви в детстве.

Я не была влюблена в своего мужа, но не могла отрицать, что защищала его. Или что мне очень нравилось целовать его.

Хотя вначале мы оба были новичками, с практикой это стало получаться лучше. Но я не хотела ничего делать сверх этого, не желая закончить, как Мариэла. Если мы собирались когда-нибудь создать семью, это не должно было быть под угрозой.

Это был неловкий разговор - до такой степени, что мы не могли смотреть друг другу в глаза до конца дня, - но я должен был это сделать.

Дома иметь семью было мистическим, далеким понятием, поскольку я была настолько одинока, что даже не была ни в кого влюблена.

Я всегда думала, что остепенюсь и стану мамой около тридцати. Сейчас мне, возможно, двадцать четыре, но этому телу было семнадцать. О детях не могло быть и речи.

Даже если бы это было не так... Моя мама была из семьи, где отец был жестоким. Она говорила нам, что когда мы выбираем партнера, с которым проведем всю жизнь, мы должны думать о том, каким родителем он будет. У Эла было доброе сердце, но не было чувства ответственности. Каким бы он был отцом?

"О чем ты думаешь?" раздался у меня над ухом голос Эла, когда он обнял меня сзади.

Я чуть не выпрыгнула из кожи и сердито замахала на него руками, когда вырвалась. "Не пугай меня так!"

Очень неприятно, когда кто-то, о ком ты думаешь странные мысли, подкрадывается к тебе. Мое сердце бешено забилося, когда я увидела его серые глаза, переполненные весельем.

На нем был его любимый черный свитер, который когда-то был моим, а его лохматые волосы не мешало бы подстричь. Его гены, смешанные с генами Кэтрин дю Пон, дадут прекрасных детей.

"Прости, я не знал, что ты так задумалась", - сказал он, наклонившись, чтобы поцеловать меня в щеку.

Мое лицо и раньше было красным, но теперь оно полностью пылало.

"Я думала навестить Мариэлу", - сказала я быстро. "Ей, наверное, еще скучнее, чем нам, раз она застряла в своей комнате".

Это было не совсем верно - ситуация с Мариэлой была лишь одной из остановок в поезде мыслей, который он пустил под откос. Но я скорее умру, чем расскажу ему, о чем я на самом деле думала, когда он меня напугал.

Может, мы и были женаты, но мы также находились на стадии "проверки отношений на прочность", так что разговор о будущем только подогрел бы его надежды. Я принимала это как один день за другим.

Эл нахмурился. "Я не знаю, что они собираются делать. Симулировать болезнь можно только до поры до времени. Со дня на день они должны объявить о беременности".

Жаль, что здесь не существует ультразвуковых исследований. Если бы у Мариэлы была девочка, она не представляла бы угрозы, так как трон могли наследовать только мужчины.

Она смогла бы раньше отстранить Зигмунда от дел. Но если бы у нее был мальчик, это создало бы дополнительные проблемы еще до его рождения. Может, это и к лучшему.

"Но тогда Мариэла будет в опасности до рождения ребенка! А потом, если это будет сын..." Я запнулась.

Что за чудовище могло причинить вред собственному племяннику? С другой стороны, Зигмунд не был привязан ни к чему, кроме власти. Я бы не стал его обижать.

"Франц хитер, он не позволит, чтобы с его семьей что-то случилось", - с горечью сказал Эл.

"Этот ребенок может стать его билетом на трон".

Что за ужасные слова. Как будто Франц не стал бы защищать свою жену и ребенка из любви. Я видел, как сильно он заботился о Мариэле, конечно, он будет так же сильно лелеять их ребенка.

Хотя... за все эти годы он не сделал ничего, чтобы помочь своему младшему брату.

Мнение Эла о том, что он заботился только о тех людях, которые представляли для него ценность, было не совсем безосновательным. Было ли это потому, что технически он был конкурентом? Но Ал никогда не хотел трона! Он просто хотел, чтобы люди любили его таким, какой он есть, а не за его титул.

"Эл, что именно он сделал с тобой, чтобы ты так себя чувствовал?"

Он вздохнул и закрыл глаза. "Ничего. Он ничего не делал, пока Зигмунд мучил меня, мать ругала меня, а отец игнорировал меня. Я не могу простить ему, что он стоял в стороне и смотрел. Для меня он почти так же плох, как Зигмунд. Вот почему мне все равно, кто станет королем".

Я все еще не понимал, почему все так плохо относятся к Элу. Это было почти так же, как если бы он не был членом семьи.

Он определенно ни на кого не был похож, с их более теплыми оттенками кожи и волос. Но если бы он был незаконнорожденным ребенком, разве в романе не было бы сказано об этом?

<http://tl.rulate.ru/book/60710/2177594>